

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ЭЗОТЕРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ДАДАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Д
А
Л
И
Т
Е
Р
А
Т
У
Р
Н
Ы
Й
А
Л
Ь
М
А
Н
А
Х
Ш
А
Р
О
Д
А
З
В
Е
З
Д
Ы

ВЫП. 2. AZAG-TROTH
BLACK SWAN
BW
DEX
EDD14
F2-E4

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 2.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградский
эзотерико-информационный центр
«93 in 39», 2010;

а также авторы журнала:

Azag-Troth
Black Swan
BW
Дея
едыч
f2-e4

Лександри
(иллюстрации)

Редактор, корректор, верстальщик:

Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

За помощь в корректуре
выражаем признательность
Samurai (Киев).

Hay-Groth

Кольцо Соломона

Когда время остановилось, то все замерли, и лишь немногие, те, над кем не властно время, остались в движении. Линии видоизменялись легко: если подуть на листок бумаги, на котором проведены две линии, то они перемещались, — изменились все законы природы. Затем время пошло вновь, и те, над кем не властно время, получили свои суперспособности, а те, кто замирал, изменили свой облик, будто бы в них вселились демоны. Но это было не так, ими как бы управляли, они должны были найти и пожрать тех, над кем не властно время, их нельзя было убить никаким способом... Потом время остановилось вновь, и всё как бы вернулось на свои места, но это иллюзия; если подойти к любому человеку и сказать, что знаешь, кто он на самом деле, то он изменит свой облик, и все остальные тоже, и мир ввернется в хаос. Не говори этого никому, ибо демоны ищут нас, но и мне, ибо они могут притворяться любым существом, это уже было и повторится вновь. Все люди уже давно мертвы и ищут нас.

Это было очень давно, тогда, когда ещё существовали вампиры. Я был великим королём людей, который должен был положить этому конец. Они были беспощадными убийцами, трупами без каких-либо чувств, как машина, которая выполняет свою функцию — лишать живых жизни и кормиться. Это происходило примерно спустя 50-100 лет после того, как была уничтожена Вавилонская башня, но это была версия для простых людей. На самом деле всё было иначе. Во все времена у людей было стремление достичь неба, получить бессмертие, стать богами, и они всегда очень стремились к этому и будут стремиться, не замечая того, что боги всегда здесь. Они среди них и наблюдают за ними, и именно боги дают людям такие технологии, с помощью которых можно получить бессмертие, однако они никогда не станут делать что-либо именно для людей. Прежде всего они противостоят друг другу в вечной битве, а люди — всего лишь пешки. Правда, одни боги хотят, чтобы всё так и оставалось, а другие хотят власти хаоса, где свобода каждого безгранична, и лишь один, которого нельзя отнести ни к тем, ни к другим богам, решает, как всё будет, поддерживая максимальный баланс и справедливость, и именно он не допускает победы ни одной из этих сторон, так как и то, и другое есть зло и конец всего мира.

Так вот, на планете Земля была построена своеобразная система из различных пирамид, монументов, для построения из определённых точек модели первозданной земли. В этих точках полного контроля над другими измерениями, временами и мирами Вавилонская башня должна была достичь определённой высоты, и там должен был быть проведён ритуал. Однако те, кто её строил, не отличались большим умом и не понимали, что есть те, кому построение этой башни совсем не нужно, и эти «те» уже тогда были вместе с теми, кто строил башню, в телах людей. Рождённые, они всё время готовились исполнить свою миссию, и вот пришло время, когда высота башни достигла финальной. Те, кто обладал колоссальной силой, боги среди людей, провели ритуал, таким образом эта башня затерялась меж временами, измерениями и эпохами, а те, кто тогда был там, получили вечную жажду крови, слабость, безумие и проклятие вечной жизни, они были заключены в одном месте с башней и стали её вечными стражниками.

Я и должен был прийти в это место, этого не мог никто, кроме меня, так как мой род был древнее рода всех остальных людей и происходил от рода одного из богов, изначально я не был человеком. Те же трупы, что сейчас называемы вампирами, были вовсе не такими, как их описывают сейчас — немного разложившиеся лица и тела, сон днём и бодрствование ночью, невероятная скорость и сила, они могли даже общаться друг с другом, но это были просто трупы, что искали себе пищу. Ни крест, ни чеснок не могли причинить им никакого вреда. Так вот, для того, чтобы получить силу, я должен был достигнуть вершины несуществующей в этом мире башни и вернуться назад. Проникнуть в башню не являлось особым трудом для меня, однако те, на ком было проклятье, должны были остановить меня, и, подымаясь наверх, я был остановлен и вынужден вернуться назад.

Я был укушен проклятым, там, в башне. В реальном мире я стал постепенно изменяться, я не был вампиром, но человеком, что очень сильно отличался ото всех. Но люди не поняли того, что я являюсь человеком прежде всего, и был создан орден, чтобы уничтожить меня, из тех, кто раньше были мне как братья. Я же создал из охотников на вампиров тех, кто сами были сильнее и могущественнее вампиров — не-мёртвых. Но таких было создано небольшое количество, я не творил беспредела. Интересно отметить, что летать на тот момент умел лишь я один из всех, те, кто получили новую жизнь благодаря мне — не могли. Вампиры тоже не могли летать.

Так вот, всё шло, вроде, неплохо, вампиров становилось всё меньше и меньше, и однажды я встретил девушку, она была мне чем-то знакома, и я не хотел ей зла, а чувствовал к ней доброту и любовь. Так вот, она была одета в чёрное, у неё был крест, кинжал и вода. Она хотела убить меня. Крест не причинял мне никакой боли, вообще абсолютно ничего. Потом она стала резать на мне кресты своим кинжалом, я не хотел ей зла, я просто хотел заговорить с нею, потому я и не стал предпринимать ничего. Она поливала в раны водой, от этого была ощутимая боль, я как бы горел в различных местах, меня жгло без пламени, такая это была боль, но для меня это не было угрозой, меня нельзя было убить таким образом. Я решил уйти от неё, и я полетел. Кстати, в чём это проявляется: это прыжок, сопровождающийся энергией, которая несёт тебя туда, куда ты хочешь.

Самое интересное — что она тоже могла летать!!! Этого не мог никто, кроме меня, но она могла! И она старалась преследовать меня, а я хотел ей добра, так продолжалось долго, но не вечно. После — непонятно, когда — всё закончилось, прошло ещё очень много времени, около трёх тысяч лет, и все вампиры были уничтожены, и тело моё было сожжено по просьбе моей, остались лишь не-мёртвые, дети мои, но они были разумны и развиты духовно, их осталось очень мало, и они были призваны быть стражами мира и хранить порядок и счастье. Я же получил полную свободу и достиг того, чего добивался.

Не всегда жизнь (такая, как её знаем мы сейчас) была на Земле, до этого она существовала на Марсе. Там начало что-то происходить, и для переселения были построены пирамиды на обеих планетах, но условия жизни на Земле не подходили для жителей Марса (например, было много болотистых мест, в которых жили паразиты, поэтому перемещаться по планете было

затруднительно, также было много других существ, которые сильно мешали жизни), для того, чтобы переселиться на эту планету стало возможно, был нанесён ядерный удар по Земле, вследствие чего появилась луна. Пирамиды представляли собой какой-то сложный комплекс, помогающий перемещаться между сферами в как бы заранее запрограммированный промежуток времени. Когда жизнь была уничтожена, для большего единения с планетой была взята кровь существа с Земли, более похожего на человека, и кровь жителя Марса. В результате этого был создан человек.

Но духи планеты Земля имели большую силу и должны были вернуть себе этот мир. Для того, чтобы сдержать их, Старшими богами (жителями Марса) было создано проклятье, но Древние (жители Земли) могли воплощаться в людях, таким образом, они могли жить, но не могли вернуть себе свою истинную силу. Сообщение, которое я кинул вначале — это и есть проклятие, если уничтожить проклятие и освободить Древних, то человек обретёт силу всех стихий, всех сил природы, получит то, о чём он может только мечтать. Но этого нельзя сделать, ибо если освободить Древних, исполнится проклятие, и мир будет уничтожен, а из крови мёртвого человека и крови Старшего будет создана новая раса, ещё более ограниченная в своих возможностях, чем предыдущая, до тех пор, пока не получится раса, которую проще всего контролировать, раса существ, не имеющих души.

Время шло... происходили всё новые Апокалипсисы, но сила тех, над кем не властно время, тех, кто вне времени, была очень велика, и демоны не могли уничтожить их. Но главная опасность была не в тех, кто не имеет души, не в мёртвых. Было создано общество для того, чтобы изменить всё это. Но они были обмануты, они считали, что у них есть вакцина, то, что изменит кровь и даст свободу... но они были обмануты, им были показаны выжившие, и всем, кто выжил, в состав крови была добавлена кровь мертвецов, тот, кто стоял за этим, хотел получить контроль над всем миром. Но кровь не изменилась до конца, две из семи или девяти клеток крови остались прозрачными, контроль был по-прежнему невозможен, их тела всего лишь стали смертными.

Время шло... Около 2500 лет назад (дата очень примерная, скорее всего, гораздо раньше), Америка. Секретная база. Уже существует ядерное оружие. База сделана из неизвестного материала. Я и моя жена с дочкой находимся в одном из отсеков. Опасность взрыва. Закрывается вход. Происходит взрыв. Я не умираю, но возношусь в воздух, от большой температуры лопаются глаза, кожа не пострадала, но тогда глаза не нужны были, чтобы видеть. Похоже на то, что моя жена с дочкой умерли. После взрыва отсек открывается, я выхожу, стоит командир базы. Я рассказываю ему о том, что случилось. Он спрашивает пароль. База **ОЧЕНЬ СЕКРЕТНАЯ**. Всё правильно. Затем снова я и моя жена с дочкой, мы идём по месту, похожему на рынок. Навстречу нам идут их двойники, моя жена говорит: «Давай уйдём отсюда, это плохое место». Но тут подходят их двойники и сливаются с ними.

Я не простой человек, я один из индейцев из какого-то исчезающего племени. Специально обученный для главного боя с индейцем из другого племени, чемпионом, убившим многих, он предал своё племя. Бой насмерть, на двух шпагах. Награда — какая-то карта, которая поможет изменить мир, ради

неё можно пойти на любые жертвы. Я захожу, меня приветствуют как нового чемпиона, моя победа была предсказана. У каждого две шпаги, у моего противника ручка длиннее в 2-3 раза. Бой начинается. Моё оружие очень плохое, но он не может нанести урона. Затем каждый выбрасывает одну шпагу, и бой продолжается дальше, он режет мне руку... Шпаги не такие, как люди представляют их сейчас, они могут не только колоть, но и резать. Я продержался, отступая, около 5-7 минут. Затем мне удалось поднять выброшенное им оружие. И я убил его. Награда — кожа, снятая с руки царя Соломона на третьей фаланге мизинца правой руки, знак, печать, кольцо Соломона. Главная сила этого оружия в том, что оно может поглощать души любых существ, духов, демонов, людей... также это суперзащита, которая представляет собой не щит, эта защита невидима, но любое действие, направленное против владельца кольца, будет остановлено, и душа того, кто это сделал, будет сразу же уничтожена. С её помощью Соломон повелевал всеми духами и сдерживал 13 Легионов Сатаны. Но когда перчатка была надета на руку, рука стала холодной и белой, как у мертвеца, а ободок (где перчатка прилегала к руке) особо выделился. Это то, что будет со мною во всех последующих жизнях, то, что нельзя потерять.

Время шло... Мною был создан подземный мир для того, чтобы собрать и объединить всех людей, которые обладают магическими способностями, показать им то, что они могут на самом деле, гораздо больше, чем могут себе представить. Затем я умер и заново возродился в своём сыне, которого звали Слим, он был обучен всему, что только может быть известно человечеству. Я прошёл очень долгий путь для того, чтобы изменить то, что должно случиться.

Black Swan

* * *

Висишь распятым на кресте,
И кровь с раздробленных кистей
Густым потоком с обломками костей
Струится по дереву, становясь темней.

За правду вечную казнён,
За веру во спасение людей.
За веру. за веру! за веру — злодей?
За веру в творца и спасенье людей.

Висишь распятым на кресте,
И плоть клюют — не божьи птицы,
А ты хранишь всего одну
Надежду праведную в сердце.

И боль, и стыд кипят в крови,
И так хотелось пить... О Боги!
Но остриём копья к губам твоим,
Совсем опухшим и безмолвным,
Воин мрачный подносил
Губку, влагою смочённую.

И крик людей, и смех, и гомон...
И все эмоции людей смешались в страшный рокот,
И алый цвет застил глаза, и пелена укрылась болью,
И кто-то крикнул им: «ПРОСТИ!»
И кто-то подавился кровью...

Всё-всё смешалось в пустоте:
И дождь, и жар, и мошкара, и даже гомон.
И свет тебя с собой забрал.
Ты умер. Век сыновей недолог.

Воину Тьмы

Ты смел попруть мою веру
Уничтожить оковы мрачных миров
Ты хотел мне окрасить свободу
В один из смертельно-кровавых цветов

Ты называл ничтожество Богом
И клялся в верности мёртвым волкам
Ты приносил в жертву прекрасное Зверю
И улыбался святым небесам

Я сам себя распял

Я сам себя распял
и крест мой чёрен от крови
Я сам себя предал
но мне не стыдно пред людьми

Я сам себя распял
и смерть как плата за грехи
Я сам себе наврал
и отравил свои мечты

Я понадеялся на веру
и уповая на любовь
Я крест тащил не видя в гору
я слепо верил в силу снов

Я «языкам» давая повод
бросался в омуты страстей
Я глупо верил в женский голод
и не считал своих потерь

О, как я глуп! О, как я низок!
Я растерял своих друзей
Теперь мечтаний горький призрак
Сочится изо всех щелей

Бросался сердцем и душою
К любой ноге что хороша
Мечтал о счастье и покое
И вот теперь мертва душа

Душа мертва а тело в клочья
И лишь любовь всему ответ
Пылать мне вечно! Пылать бессрочно!
Пылать в аду — пощады нет!

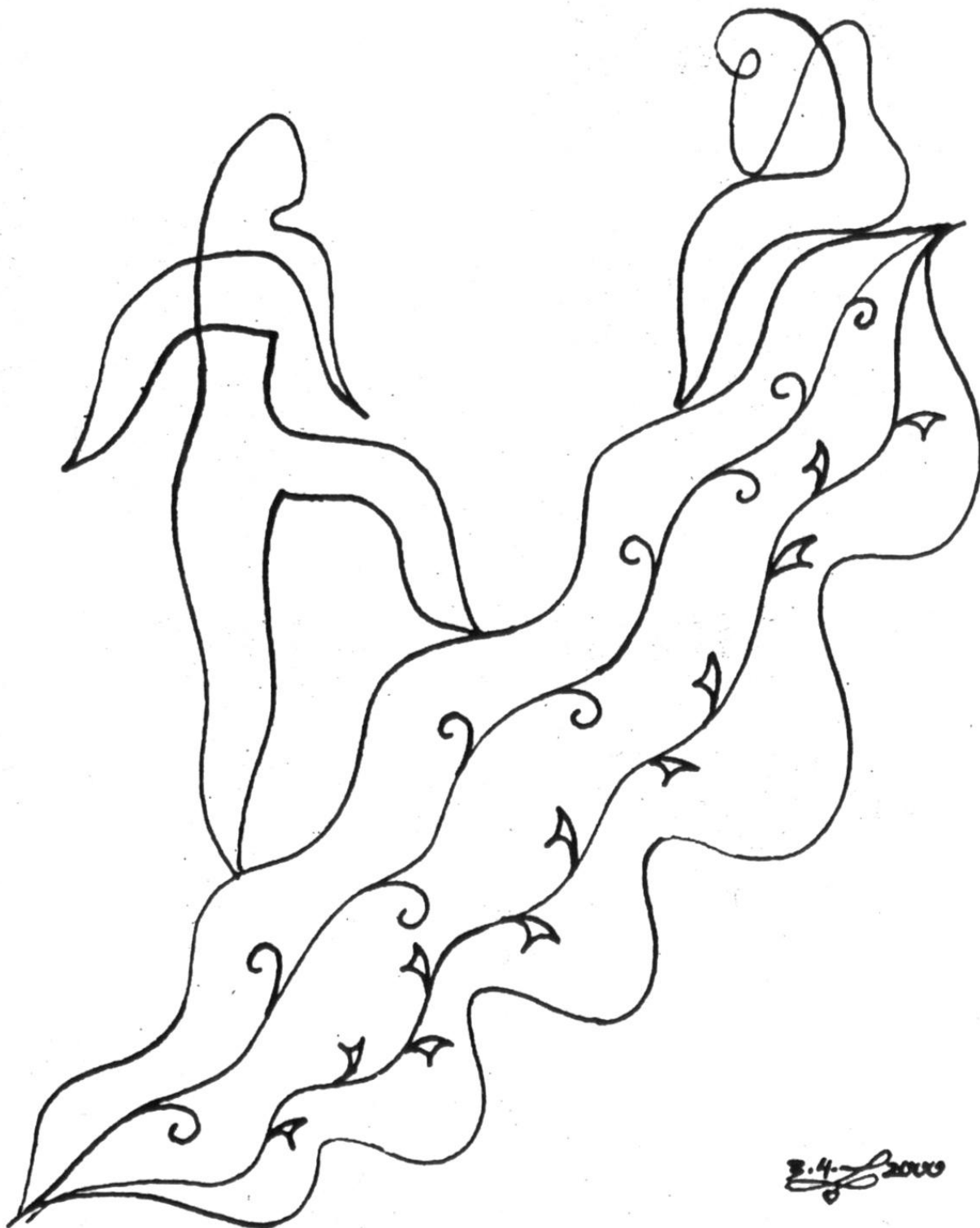
Заложник сердца и мечтаний
И эталонов красоты
Я сам себя распял без приказаний
И крест мой чёрен от крови

Я совсем один в этом мире.
Лежу на зелёном лоне Земли.
Небо разбито. В цветах тёмно-синих
Тонут осколки зари...

Небеса опустели —
 солнце за домом.
Я вернулся из грёз —
 из своей сонной неги.
Я сад обойду,
 лаская рукой
Травы, деревья, уставшие стебли —
От них я возьму полночный покой.
Тая на пальцах, застынут слезинки,
Ноги утонут в росистой траве.
Я сад обойду — цветы и деревья:
Полночный покой... полночный покой...

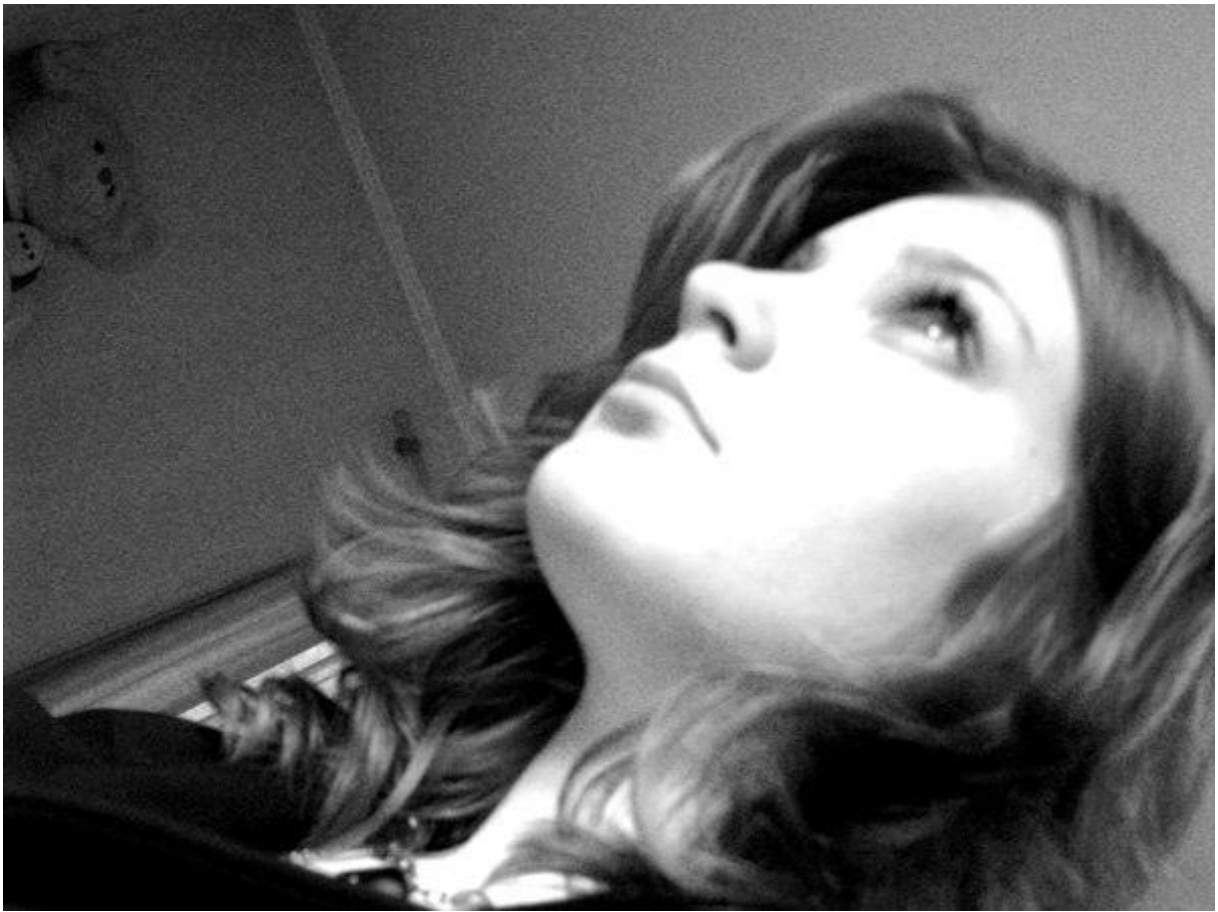
Собаки завоют — ночь совсем близко.
Крылья мышей прощуршат за спиной.
Ночь приоткроет секреты знамений.
Я дверь в иной мир притворю за собой.

И в синей, вогнутой бездне
Среди звёзд я один воспарю.
Я совсем один в этом мире,
Среди звёзд и над телом Земли.

Лександри. **Без названия.**
бумага, тушь

BA

А мне приснилось: ночью выпал снег...
И, задрожав от холода, простыл
Свечной фонарь, мечтающий во сне
Увидеть эстакадные мосты.
А город жил в предчувствии весны...

Взъерошенный и ошалелый пёс
Ловил в полёте бег снежинок ртом,
Пил отраженье месяца и звёзд,
Виляя в исступлении хвостом,
Развейвая громким лаем сны.

Витали сказки в шёпоте ветвей
Озябшим эхом павшего листа.
Казалось, город стал ещё светлей,
И в темень отступила пустота
Прошедшего. Простое волшебство.

Горела лампа в сумрачном окне,
Давно была расстелена постель.
Но Он не спал... и думал о весне,
Когда кружила в городе метель.
А мне приснилось: я люблю Его...

Варенье из облепихи

Сливовое небо — веришь? —
Бывает порою добрым,
И ночью под тёплым пледом
Уютнее, если вместе.

Плывёт виноградный сумрак
В окно за тяжёлой шторой,
А дальше — ещё бескрайность
До утренних птиц воскресных

Смотреть, ни о чём не думать,
В оливковый цвет обоев,
Уткнуться по-детски глупо
В ладонь из дождливых бликов

И с запахом зимних ягод...
А после уснуть с тобою,
Согретой зелёным чаем
С вареньем
Из облепихи.

Верить?

А. Филадельфиной посвящается...

— Верить в ангелов?

Верить?..

— Верю.

Только жаль, что порою их
не хватает...

дыханье мерить

на двоих.

— Верить в радугу?

Верить?..

— Верю,

что за каждой бедой-грозой,

есть дорога

к скрипучей двери,

где покой.

— Верить в сердце,

что любит?

— Верю.

И хотелось бы уберечь,

чтоб не выпало

в лапы зверя,

в пламя свеч.

— Верить в нас?

Не молчи...

Светает...

— Знаешь...

Верю судьбе своей.

А всего, что нам жить мешает,

мы сильнее.

Вестъ

Безликие стены
Города,
Незримые стражи
Снов,
Навеянных мрачным
Холодом
Твоих неземных
Оков.

И тени вцепились
Пальцами —
Скажи им, что нужен
Здесь.
Но двери замками
Клацали:
«Не верь».
А в ладонях — крест

Серебряный, лунным
Отсветом
Дорожку рисует
В ночь.
«Не верь».
Но по лунной россыпи
Бежала вслепую
Прочь.

Безликие стены,
Факелы
Оранжевых фонарей,
И крылья немого
Ангела.
«Постойте!»
«Скорей, скорей...»

Спешили куда-то
Вещие.
Но ангел остался
Ждать,
Где лунная россыпь
Плещется,
Мешая к нему
Бежать.

«Я знаю, ты можешь
В раз один
Порвать расстояний
Нить.
Скажи ему, Ангел
Ласковый,
Что мне без него
Не жить...

Что листья опали
Слабые,
Что месяц пропал
Во ржи...
Я знаю, ты слышишь,
Ангел мой,
Скажи же ему,
Скажи...»

Притихшие ветви
Плакали,
Не в силах беду
Отвести
От крыльев немого
Ангела,
Несущего в сумрак
Весть...

Две чёрных кошки на мокрой крыше.
После дождя небо стало выше.
Не поскользлись у мансардной ниши,
Падать на пару так больно, слышишь?

Голуби крыльями режут воздух,
Вьются над башней, сплетают грёзы
В тёплые гнёзда. А хочешь — просто
Все мои сказки возьми и звёзды.

Будешь счастливой, в любовь играя,
С двух берегов пустоты и рая.
Я не жалею, но выбираю
Прежнюю жизнь в двух шагах от края.

Знаю, что время всю боль залижет,
Ты ведь не станешь бояться, вижу.
После дождя оказались ближе
Две чёрных кошки на мокрой крыше.

День дождя

Город слеп, в нём так душно и пыльно,
Что и лестницы не разглядеть,
Те, с которых, расправивши крылья,
Можно прыгнуть... и полететь.

Можно с крыши, а можно с карниза
У гостиничной серой стены,
Разбежаться до скорости бриза
И лететь с траекторий волны...

Или просто, от терминов умных
Отделивши всецело себя,
Нагадать календариком лунным
День простого, грибного дождя.

Или даже весеннего ливня,
Что застигнет весь город врасплох
Миллионами радужных линий
На один неожиданный вздох.

И бежать по улыбчивым лужам,
Каждым мигом своим дорожа...
Город слеп и ужасно простужен
Сквозняками проблем горожан.

Дети стихии

Веяло холодом... зябко, растерянно
Жмурились звёзды в небе разорванном.
Кто теперь вспомнит — не верили, верили,
Только отчаянье мерили поровну.

Веяло страхом... и чёрные волосы
Смолью чертили по воздуху рунами.
Чашу испили охрипшего голоса,
Песни играли потёртыми струнами.

Веяло памятью... болью запомнили
То, как молились на звёзды угасшие
Тем именам, что сверкнули, как молнии,
Но отпечатались пальцами нашими,

Нашими песнями... эхом в безмолвии,
В ясных глазах своих юных наследников,
Там, оставались... ветрами и волнами,
Дети стихии. Последние.

Детское

Буду ребёнком.
Не самым лучшим.
Тем, что капризно стучит по стенке,
Плачет ночами,
Не любит кашу,
Но, если вдруг обдерёт коленку,
Громко смеётся.
А что? Забавно.
Всё остальное моё ведь цело,
И карамелька в кармане тает,
Словно актёр,
В первый раз на сцене.

Да, и ещё — не хочу собаку,
Мы бы с ней не поделили тапки,
Комнату
И уголок на кресле,
Где иногда угощают сладким.

Сладкое всё же — вот смысл жизни,
И ничего, что помногу — вредно.
Если захочется —
Значит можно,
Втихую, ночью, под тёплым пледом.

Или ещё вот на даче — вишня,
Целое дерево спелых ягод!
И ведь ничьё! — заберусь к верхушке,
Будет моё.
Может, даже на год.

А упаду — посмеюсь привычно,
И зашагаю на встречу к звёздам...
Дверь на чердак.
Карамель в кармане.

Буду ребёнком.
Устала — взрослой...

Ещё один внутренний кризис

Рассыпался дождь по ладоням.
Утихли шаги.
И к небу глаза:
Этот город устал от сюрпризов.
Он в лицах прохожих рисует пейзажи тоски,
Чем дальше — тем больше...
Ещё один внутренний кризис.

Ещё один вздох — так устало,
И так тяжело
Быть выше на целую жизнь,
Или, может, на вечность,
Чтоб видеть улыбку за пыльным, трамвайным стеклом,
И гордо идти, чьей-то лирикой кутая плечи.

Поверить кому-то внезапно,
И, не удивясь,
Заметить движение глаз
На другом перекрёстке.
И так, замечтавшись, пройти через слякоть и грязь,
Вполне не попав никому (чудеса!) под колёса.

Рассыпался дождь —
Тоже чудо.
В осенней листве
Запутался, глупый, глядит добродушно и слепо.
И ты, как всегда, вдалеке,
Мой негреющий свет,
А я, как и прежде, люблюсь задумчивым небом.

Ждать

Ждать... бесконечно долго,
Волком
Выть на луну ночами.
Чары
Не разорвать руками.
Камни
Встали стеною твёрдой.
Гордо,
Не отзовусь, не плачу.
Значит
Сильная? Я не знаю...
Таю
Белым январским снегом.
К небу
Я протяну ладони.
Клонит
Слабость ко дну колодца...
Бьётся
Сердце безумно быстро.
Кисти,
Я разрисую вечер.
Плечи
Сильные... ну, поддержи.
Жизни
Я разменяю на вздох.
Плохо
Сердцу искать, кричать
Чайкой
Белою. И умирать...
Ради
Только того, чтоб вновь
Ждать.

...и *это* — всё моё дыхание,
что умещается в ладони,
когда сидишь — *почти прозрачный* —
на самом краешке кровати,
рукою зажимая губы;

оно ведь *ничего* не стоит,
и *ничего* уже не значит
(ну, *для меня* — уже — не значит),
а ты возьми его за горло
и протяни
до самой ночи,
когда дышать бывает душно;

а мне,
свернувшейся на кресле,
приснится яблоня, и небо
(*такое, ласковое небо*
оттенка загустевшей туши),
меня не нужно будет слушать,
да и — уже — будить не стоит;

а это — всё *моё* дыхание
пусть лучше кто-нибудь истратит,
пусть лучше — *ты* — его протянешь
на самом краешке кровати,
рукою зажимая губы;

мне всё равно его
не хватит.

Крыльями белого кречета

У песка, где ветер, где белый кречет
Ищет небо крыльями, к дому рвётся,
Я искала сердцем тебя.
Вдруг встречу?
И с тобою рядом померкнет солнце...

Потеплеет море, утихнут волны,
Переждали шторм.
Станет тихо-тихо...
И уставшим небом от гроз и молний
Улыбнёшься ты в свете робких бликов,

И исчезнешь...
Что ж, снова думать буду,
Показалось ли? Или правда было?..
А за морем снов моих светлых чудо
Растворится птицею белокрылой...

Кукольное

Лица разбросаны по полу битыми стёклами,
стоит порезаться — смех барабанит по стенам,
в каждом осколке до ненависти перетёртое
чувство вины. Это рознь между духом и телом.

Я, словно кукла фарфоровая, яснолика,
с умным лицом и глазами, привыкшими к тени,
вздрагиваю, отгоняя безумие липкое,
в чьих-то руках, изучивших меня до сплетений.

Позже, очнувшись завёрнутой в листья кленовые,
жду, задыхаясь, пока не потянет слипаться
веки — не видеть, и сердце заштопывать новое,
сжавшись в комок под дождём из пощёчин и пальцев.

Мне всё равно, я ручная и ненастоящая,
пусть и с руками, давно по привычке к горю,
я повидала людей и теперь непривязчива,
непредсказуемо ласкова до аллегорий.

Многие куклы под детскими платьями тёплыми
так же хранят свои трещины и искаженья.
Лица разбросаны по полу битыми стёклами —
просто... я снова боюсь своего отраженья.

Мой ангел

На плече моём — добрый и чуткий,
Не снимая неоновых тапок,
Ангел мой задремал на минутку,
Наклонив свою голову набок.

Он устал разгонять неудачи
Из унылых, безрадостных будней,
Кутать мысли в индиговый плащик
От суровых, декабрьских студней,

Греть ладонями лучик надежды,
Что почти умерла в моём сердце
Без сапог и без зимней одежды
За примёрзшей, захлопнутой дверцей.

Он устал от зимы в моих чувствах,
От моей бесконечной простуды.
Задремал — утомлённый и грустный,
Что ж, теперь я беречь его буду.

Улыбнусь в озорные кудряшки
И поверю в приятную небыль:
Полночь льёт из разбившейся чашки
Молоко в синей скатерти неба...

Молитва

— Боже, храни его
Взглядами, лицами,
Благословляя
На светлое, верное.
Боже, не дай ему,
Падая, биться
О камни незнания,
И недоверия.
Боже... прошу тебя,
Не отпускай его,
Если сорвётся он
В пропасть отчаянья.
Дай ему силы,
Терпенья бескрайнего,
Тёплого взгляда
Простого, случайного.
Боже, храни его
Руки и плечи и
Всё, что так близко,
Знакомо и вечно...
Боже, храни.
— Так кого?
— Он отмеченный,
Тот,
кого я
никогда
не встречу...

Не грусти

Не грусти, прошу тебя, не плачь и не мучайся.
Нам с тобой ещё лететь до самого доньшка
Неба. Только крылья — это ветреность случая,
С каждым новым взмахом до последнего пёрышка.

Хочешь — будут новые, как прежние — белые,
Я сошью их за ночь из туманности, травами,
И смогу взлететь и не пораниться стрелами
Снов большого города и мыслей отравленных,

Я смогу запеть, как прежде, птицею вольною,
И не задохнуться на былом. Попроси меня.
Ты, мне вырвав сердце, познакомила с болью, и
Сделала, как дождь весенний — ливневым, сильною.

Что же, выше голову, где стелется перьями
Прошлое, заросшее закатными маками.
Я же, чёрт возьми, тебе как ангелу верила,
А потом, как грешница, в тени твоей плакала.

Столько боли вылила и нежности в тёмное,
Словно беспросветное желание адское.
Стала бело-алою, спокойною, тёплого,
И теперь рассказываю сказками ласково.

Так что не печалься. Боль о время притупится,
Тёмные, тоскливые одежды изнасятся.
Может, кто расплатится, а кто-то оступится,
Только не в мои ладони жребий попросится.

Неприкаянность, отстранённость

*«Если рана в груди —
Всё ещё впереди...»*
О. Арефьева

Неприкаянность,
Отстранённость...
Там, за дверью расплёсканных красок
Брызги светлого
Тают в чёрном.
Ставлю стены —
«Не подходи».

Обрекаемость,
Обострённость...
Талость слабых, протянутых гласных
В изречении
Отречений.
И открытая рана в груди.

Хлещет преданность,
Зажимаю.
Из артерий пустой отголосок:
«Может, будет всё?»
Захлебнулся,
Не успев долететь до души.

Неизведанность —
Шаг по краю,
Битых стёкол на коже набросок.
Тень жестокости
К вере тянется —
И за горло рукой:
«Не дыши».

Не спится

Тихо,
испуганной птицей,
прижалась к щеке моей
ночь.

Не спится.

— Спрячь меня, —
шепчет. —
в пути растеряла
и шарф свой,
и рукавицы.

Страшно и холодно, —
спрятала очи
в ладони, не смотрит
прямо.
— Милая, видно, с одеждой
ты полдуши своей
растеряла.

Трепет озябших крыльев,
у потолка
тесно сжались тени,
раненой тишиной
отзовётся эхо,
уткнётся в темень.

— Страшно и холодно, —
как заклинанье
произнесёт неслышно
ночь моя — словно кошка,
что поскользнулась
на скользкой крыше.

— Тише.
Промокшей листвою
ещё раз дрогнет
в моих ладонях,
и вдруг задремлет,
как все остальные
в притихшем и тёмном доме.

Страхи проходят,
как ливень,
лишь оставляя
в пустых глазницах

мокрых дорог
озёра.

— Пройдёт. Поспи...

Только мне
не спится...

*

— Остайся.

А небо такое печальное...
Хочется выпить, как чашу, до доньшка,
До откровенья пакетика чайного,
И посмотреться в него, как в стёклышко.

Это же я. Узнаёшь?

Утро сонное... от сквозняка плечи кутает холодом.
Но босиком у квадрата балконного,
Боже, как сладко дрожать.

И казалось — я захлебнулась городом.

А он лежал на спине, опрокинутый,
Словно ребёнок, ходить не умеющий.
Так и смотрел на комод передвинутый —
Нас так тянуло к большим переменам...

Но дом, пожалуй, остался всё тот же
Творчески-наш и так странно-незримо-греющий.

Где, заблудившись в полночном сплетении
Тёмных волос твоих с запахом темени,
Я становилась подобием тени,
Напрочь теряющим чувство времени.

И расплетала узлы, возвращаясь,
Еле стонали уставшие пальцы...
Это так просто — уйти, не прощаясь.

Это так сложно... сложно... сложно...

*

Видишь —
А небо такое печальное,
Хочется выпить до самого доньшка,
И до крещенья случайным прощанием,
Прикосновеньем ладони до пёрышка.

Только...

— Останься.

И тянется нитями,
Руки и плечи сплетая...

— Пстой.

Не убережь тебе, не сохранить меня,
Ласковый мой,
Безымянный
Святой.

Никогда

И ты — никогда
(никогда никогда никогда)
меня не заставишь
об этом — заговорить,
и, стало быть,
ни сегодня, ни завтра, ни здесь,
ни где-то
за это не сможешь меня
ненавидеть.

Я — тысячу раз, словно цепи,
рвала эту нить,
она — выростала опять,
как стеною обвитый
плющ,
и душила за горло,
и жглась, и болела опять,

по старым укусам
царапая новым жалом,
а ты говоришь,
что действительно доверять —
это искусство,
а люди — художники.
Мне — жаль их.

И я говорю —
доверять — это беречь,
закрывая руками
твое беззащитное сердце
от ошибок и глупостей,
прочих случайных встреч,
моих — переломов.

А перед глазами — вертится,
как от спиртного —
мыслей круговорот,
расстроенный плач
давно пожелтевших клавиш,
но:

покуда холодной рукой
не зажмут мне рот —
ты меня никогда,
никогда говорить
не заставишь.

От любви

От любви
Оттолкнувшись руками,
Отпущу свою душу легко
В город солнечный за облаками,
И за шапками вечных снегов...
Через сумерки боли, за долгими
Рукавами сосновых шуб,
Под рубашкою белой, шёлковой
От беды убережь
 Попрошу.

Стану лёгким, пушистым пёрышком,
И, без сил вслед за птицами взмыть,
Упаду я
До самого доньшка
Бесконечной и снежной зимы,
Не замёрзнув.
И ягоды снежные
Буду ловко в ладони ловить.
Стану нежной и светло-безгрешною,
Оттолкнувшись
От любви...

«Падать» в твоём переводе

fall — *осень/падать*
эксперимент

«Падать» — в моём переводе звучит как «осень».
Сорванной ритмикой, сломанных пальцев болью
Я рисовала небо с оттенком крови
И разбивалась тысячей бликов оземь.

Ты собирал меня по ладоням света,
Чтобы увидеть в камне лица пустого
Ненависть и жестокость, холодность слова
И отрешённость мыслей, подобных ветру.

А рассмотрев, к груди приникал безмолвно
И наслаждался отзвуком крепитаций,
Верности, — что не вырваться, не сорваться,
Сердца, — почти погасшего и немого.

Дьявол тебя возьми, отраженье смога,
И забери с собой всю больную память.
«Осень» в твоём переводе звучит как «падать»,
Я — выбираю небо.
Уйди с дороги.

Сказки бессонной ночи, начало

Болен был ветер.

И ни земные,
Ни мудрецы канцелярий небесных
Раньше не знали
Хвори подобной,
И исцеленья найти не могли.

Время застыло
Стрелками башен,
И заплутавших в тиши колоколен,
В травах уснувших,
Эхом повисших,
Не долетевшим едва до земли.

Лиственных пальцев
Тонкие кисти
В воду безликую, без отраженья,
Не отпустила,
Не дотянулась
Ива озёрная — пленница слёз.

И утонуло
В сумраке синем
Чьё-то дыханье — на выходе слова.
Что-то сломалось
Важное очень.

Болен был ветер.
И, видно, всерьёз...

Слабая

Миллион огней и снег, залитый их бликами,
Удержаться на ногах помочь попрошу его.
Я уже две жизни не была такой тихой
В ритме сердца города — безумного, шумного...

Миллионы лиц — секунда точного времени,
Кто задел плечом, рукой дыхание выхватил,
Миг — и задохнулась. А потом — опять в темени,
И иду вслепую, как по чьей-то злой прихоти...

Только ночь согреть меня еловыми лапами
Всё хотела, пела мне — да больше нет голоса.
Я прошу: пусти меня. Сломалась. Я слабая.
Перебили крылья мне, подрезали волосы...

Разве что не плачу — не умею, а хочется.
Хорошо, что телефон в кармане недышащий.
Обернула горло, как шарфом, одиночеством,
И не важно ветвям стало — слышишь, не слышишь ли,

Разгадали по глазам, тревожно заохали:
— Больше не споёт твоя крылатая, страшно нам!
— Тише, — прошепчу. — Шальные, слишком уж плохо мне,
Чтобы с кем-то это делить
Пополам.

Слепо

Слепо,
не видя земли под ногами,
с плеском по лужам бежать...
и захлебнуться в листве,
в солнце её желтизны.

Грустное, мокрое чудо руками,
полными света, поймать,
и подарить этот свет
с тёплой ладошки весны...

Девять мгновений и полдунувенья
ветра — исчезнуть в дожде,
и появиться святым,
чтоб никогда не грешить...

Не добежав только миг до прозренья,
тихо шептать дребедень...
«Там, за стеной пустоты
Люди, уставшие жить
Слее...»

...и я падаю в небо...

Столько зим
на ладонях растаяло,
столько листьями
устилало белеющий пол
от захлопнутой двери.
Мы, как ангел и бес,
постоянно менялись местами
до того, что теперь моё солнце
мне больше не верит.

Я теряла тебя,
как ребёнок в толпе незнакомых
выпускает из рук дорогой
указательный палец,
и в который из раз
открывая глаза после комы,
собирала по скомканным листьям
тетрадь своей памяти.

Я любила тебя.
Повторяя слова, как заклятье,
те же самые три
с ледяной негативной частицей,
я просила тебя
отстирать твои руки от платья,
отбелить и отгладить,
и больше — не повториться.

Столько зим...
сквозняком по ногам,
будто полдень у моря:
я бегу босиком по песку,
и прохладно и ясно.
Ты — моя никому не рассказанная
история,
ты — моя беспросветно любимая,
детская сказка.

Пусть останется так.
Даже прошлое — благословенно,
та игла, что прошла через сердце,
сошьёт рукавицы.

Я дышала тобой
так, что строки бежали по венам...
А теперь —
поднимаю привыкшие к полу
страницы...

Утро

Из маленькой булочной
Пахнет корицей и хлебом...
Танцующих улиц бока
Упираются в камень.
Прищурясь от солнца,
Девчонка любит небо
И не замечает земли
У себя под ногами...

Две женщины в парке
Листают загадочный сонник
И, верно, хотят разгадать
Сладкий запах сирени.
А в доме напротив,
Усевшийся на подоконник,
Твой солнечный ангел
Играет на белой свирели...

Утро чужого дня

Тихо пройдёшь
несмелой походкой
мимо
города,
чуть озябшего на ветру,
гордого,
что ладони отмыл от грима
после дождя
осеннего.

В холод рук
так окунуться смело
хватило силы,
словно щенку впервые
открыть глаза
и утонуть в дождливом,
бездонно-синем...
— Здравствуй, я — Утро.
— Здравствуй, а я — Гроза.

Странно, идти по улице тихой, сонной,
не побоявшись серости встречных лиц
и повстречать внезапно...
как синь, бездонный
взгляд
из-под тёмных,
мокрых ещё
ресниц...

— Что же ты,
словно тень,
словно не-
-живая
таешь в печальных мыслях
пустых
почти...
что же ты?
непривыкшая жить у края
там приютилась
чайкой?

— От гордости.
От глубины признаний,
от снов правдивых,

от постоянных несовпадений фраз
спряталась
в пояс чёрных, непроходимых
скал недовери-
-я...

Словно в первый раз
так заглянули в душу,
открыли настежь,
тихо шагнули
— раз —
и прошли насквозь.
Дальше...
ещё...

 по улице дней ненастных
чьи-то глаза
с моими глазами
врозь.

Странно...
пройдёшь несмелой походкой
мимо,
и улыбнёшься —
ты ведь мудрей меня.
Ты
среди серых зданий
фигура мима
белого с чёрным
утра
 чужого
 дня...

Это странно

Это странно, пожалуй, что-то
мне с тобою играть по нотам,
мы, наверное, разнотонны.
надевая в дверях пальто

Ты позволь мне
по старой дружбе...
на неделю всего — так нужно —
умереть и не быть свечою,
превратившись в простое «что»...

И за чашкой с зелёным чаем
потеплеет и полегчает,
хоть и кажется — не ручаюсь,
но иначе мне не уснуть.

Я устала хранить секреты,
и тепло от щеки согретой
в одиночестве будет проще
передать сквозь стекло
окну...

Яблоко

оно было очень большое —
это — *ваше* — яблоко,
даже страшно и жалко есть:
а вдруг кончится?

потому что если оставить — придётся сажать,
а на улице — снег,
не вырастет.

оно было очень большое —
это — *ваше* — яблоко.
лежало себе в тарелке,
на подоконнике
целый день.

а потом — оно стало вкусным.
просто вкусным, а ростом — меньше,
и чем меньше ещё — тем вкуснее.
виновато как-то:
хрум-хрум.

хрум.

оно было очень большое —
это — *ваше* — яблоко.
я через день поправляюсь,
а кто-то из вас, выходя из подъезда,
не застегнул пальто.

Dea

Их сердца

Высотой бегут за листвою облака,
Их сердца наполняя тоскою и болью,
 Бесконечно прекрасной тоскою,
 Бесконечно холодной болью.

Они ищут друг друга средь холодных камней,
Средь могил и опавших листьев.
Они ищут друг друга меж домов и людей,
И не могут найтись меж этих серых дней
 В бесконечно прекрасной тоске,
 С бесконечно прекрасной болью.

Только крик, крик,
Пронзительный крик их сердец в один миг
В темноте среди звёзд может их спасти.

Высотой бегут за листвою облака,
Их сердца наполняя тоскою и болью,
 Бесконечно прекрасной тоскою,
 Бесконечно холодной болью...

edw14

Песня в миноре

Последний день я здесь
Твой взгляд гореть будет вечно
Полон сарказма и ненависти
Солнца свет полон смерти
Я ухожу я умираю
Просто хочу серебра Луны
Последний день я здесь
Душевно разбит и погибаю
Но помнить буду твои порывы
И взгляд в пространство
Я убегаю из дома
И навечно испаряюсь
С этой ношей за спиной
Мне печально светит Луна
И я согрет тобой
Моя дорога в небеса
Иду туда где нет воды
Иду к тебе моя звезда

f2-e4

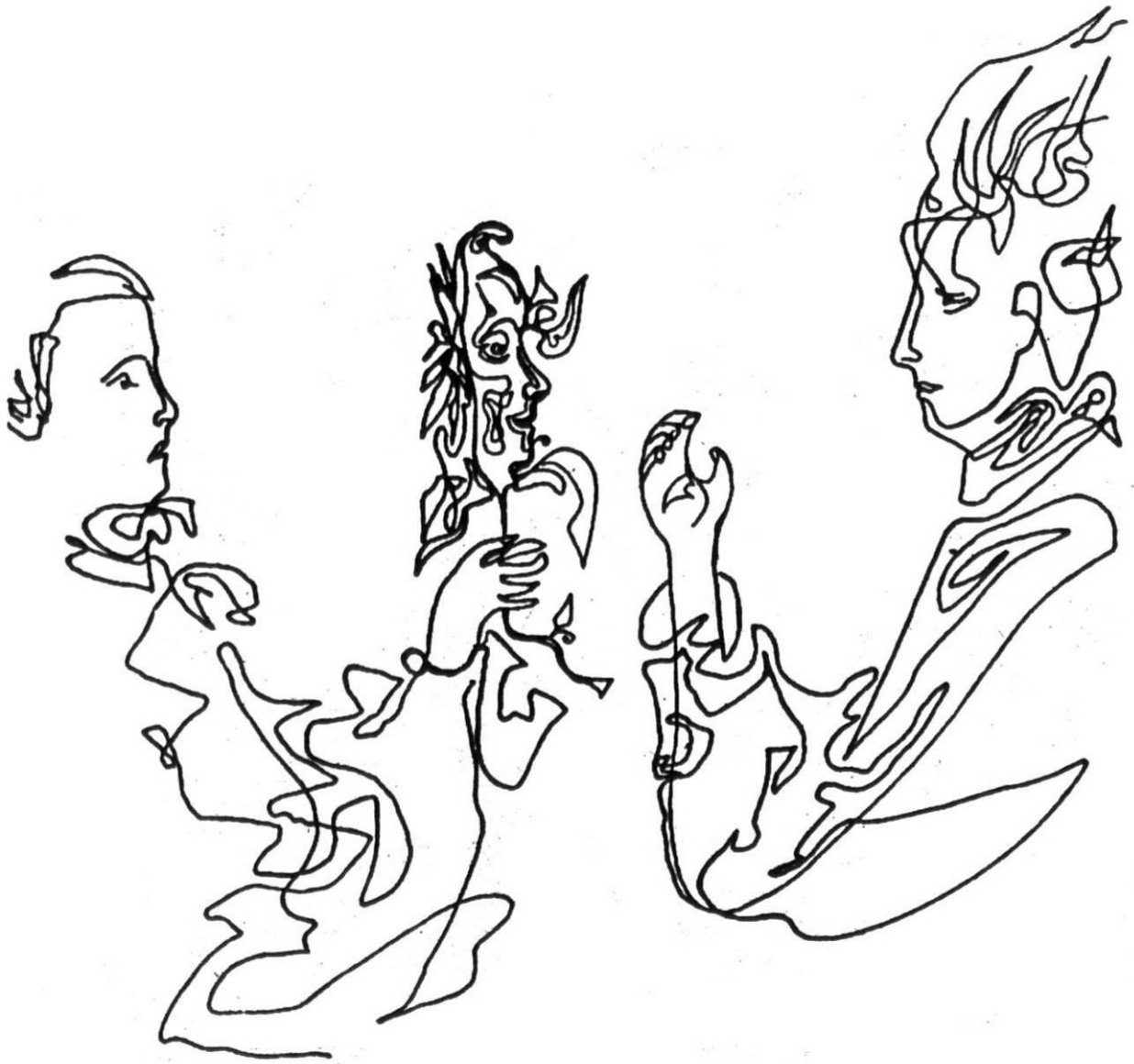
Ветер урчит в небесах,
Волны моют песок.
Холодно на морях.
А Луна зовёт на восток...

Звёзды, как угли в печи,
Шепчутся о чудесах
Где же такие, как мы?
Видящие жизнь и в ночи...

Солнце...

Солнце
одинокое, дурацкое солнце
В небе летят облака.
Ты не знаешь,
когда ты вернёшься,
ты не знаешь,
такая судьба.
Но когда-нибудь,
позднею, чёрною ночью
все поймут... что стадо козлов,
и тогда,
может быть, ты вернёшься,
и тогда ты поймёшь...
Такая судьба...

Ты слышала ветер в ночной глуши?
А море за час до луны?
Скажи, ты услышишь это в городах?
И зачем эти дрязги дворовых собак
Тому, кто ушёл с войны?

Лександри. **Без названия.**
бумага, тушь

На первой странице обложки:
Лександри. **Без названия.**
бумага, тушь